

Таня Барек

СНЫ СИНЕГО ГОРОДА

УДИВИТЕЛЬНАЯ
КНИГА - ПАЗЛ
О КАЖДОМ ИЗ НАС

16+

Таня Барек

СНЫ Синего Города

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66856463

SelfPub; 2022

Аннотация

Где-то далеко, а может и не очень, находится необычный и уютный Синий Город – мечта любого туриста с Материка. Однажды в Городе появляется незнакомец, который удивительным образом меняет судьбы его жителей и приезжих. Но для чего на самом деле он поселился в неприметной хижине на берегу, долгое время остается загадкой.

Содержание

Вместо предисловия	4
Пролог	5
Итак...	10
Прибытие	17
Камила, Грэм и сны	20
Письма Анны	25
Альба Ницке	31
Господин Зондер	36
Мартин и Марта	41
Янина	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Таня Барек

Сны Синего Города

Вместо предисловия

Дорогой Читатель, прежде, чем ты погрузишься в обволакивающую атмосферу Синего Города, я хотела бы сказать тебе, что это за книга.

Любишь ли ты собирать паззлы? Или, может быть, любил в детстве? Помню, еще девочкой, оставаясь дома одна, я раскладывала на большом столе в гостиной содержимое цветастой коробки и с удовольствием соединяла замысловатой формы картонные кусочки в единую картинку. Этот процесс настолько захватывал, что время становилось похожим на сливочную тянучку, продлевая удовольствие от складывания почти до бесконечности...

Данная книга, возможно, напомнит тебе эти ощущения. Она состоит из фрагментов чьих-то историй, правдоподобных и не очень, веселых и грустных, но все же добрых и искренних. По мере прочтения ты постепенно соединишь все кусочки паззла в одно целое, и, надеюсь, послевкусие будет приятным.

Автор.

Пролог

– Принес?

– Обижает. Конечно. – Со снисходительной улыбкой ответил я. Протянул Смотрителю небольшой пакет. Он заглянул в него и удовлетворенно крякнул.

– Давненько мы не сидели.

Ну так. Та Самая Ночь не часто случается. А сегодня как раз подходящее время.

Я неспешно вытащил из рюкзака две пузатые бутылки коричневого стекла, наполненные первоклассным и даже еще теплым умбурским элем, и поставил на стол. С мягким стуком мой гостинец соприкоснулся с потертой плюшевой скатертью неопределенно-розового цвета, которая спускалась почти до пола, дружески прикрывая неказистые ножки круглого стола. Тем временем Смотритель направился к покрытому замысловатыми узорами разохшемуся шкафу, достал корявенький ржавый штопор и, как бы слегка извиняясь, протянул мне. Я только усмехнулся: здешней обстановке можно простить любую обветшалость. Даже если бы это место могло обратиться в пыль от неосторожного чиха – то, что я получал от него, все компенсировало с лихвой.

Внутри маяка было зябко и темно. Лишь закатное небо слегка освещало скромно обставленную круглую комнату. Простой деревянный стул, кровать-топчан с самодельным

матрасом и тот самый узорчатый шкаф, наполненный снизу доверху загадочными даже для меня снадобьями, в красноватом свете смотрелись слегка зловеще. Но меня это не отталкивало, даже наоборот, умиротворяло. Все монстры были на своем месте, включая облюбванное мною ушастое кресло из воловьей кожи, испещренное дырами и царапинами. Плюш на столе слегка фосфоресцировал, но возможно, мне это просто чудилось.

Мы молча чокнулись и в унисон уставились в закат.

Терпкая теплая жидкость наполняла наши тела. Легкая горечь сменялась медовыми оттенками и пробуждала какие-то ностальгические ощущения внутри. Я мастерски готовил умбурский эль – собственно, для знающего человека дело нехитрое: нашептать нужные слова на 53-й минуте варки и бросить в медный чан щепотку сомнений, ложку детских воспоминаний и пригоршню грез пилигрима. Годами проверенный рецепт.

Пока солнце эффектно покидало землю, медленно стекая в залитое огненным светом море, я бросил взгляд на своего приятеля. Сегодня он выглядел особенно солидно: видно, готовился. Его обычно потертые сапоги были до блеска начищены, а вечный жилет темно-красного вельвета с кучей карманов эффектно прикрыт потрескавшимся кожаным плащом цвета ночного тумана. Я даже разглядел подобие бутоньерки из ароматного можжевельника, кое-как впихнутого в один из карманов. Завершала образ уже привычная бу-

тылка эля, которая настолько естественно продолжала руку, что без нее композиция была бы неполной. Лицо его было почти всегда в тени капюшона, в свете фонаря виден был лишь длинный острый нос с невообразимо большой горбинкой. Смотритель был человеком, что называется, без возраста, его выдавали только морщинки вокруг орлиных глаз, волевые, как принято писать в книжках, надбровные дуги и подбородок классического упрянца. Ну, может, он поэтому и живет один, в очередной раз подумал я.

Тем временем он отхлебнул из бутылки и сделал неопределенный жест рукой в сторону потемневшего неба: мол, смотри, начинается.

А за окном действительно начало твориться удивительное. Посреди черного неба, выйдя, будто королева из расступающейся в благоговейном восторге толпы облаков, появилась Луна. И ночь мгновенно стала кристально прозрачной. С нашей высоты поверхность моря стала казаться похожей на волнующееся зеркало, провалившись в которое, обязательно окажешься в Зазеркалье. Рыбы и другие обитатели глубин поднялись к самой кромке, разделяющей подводный мир и бескрайнее ночное небо, и молча смотрели на свою Госпожу. Постепенно стали проявляться звезды. С каждой минутой они становились ярче, но лишь усиливали сияние Луны.

И вот она стала огромной. Больше облаков, больше моря, больше города. Удивительно полная, великолепная, да-

рящая свое сияние всему живому и неживому вокруг. Я прикрыл глаза. Я видел эту картину много раз, и мне необязательно было смотреть, поскольку она всегда стояла перед моим внутренним взором. Я наизусть знал, что сейчас будет. И каждый раз сердце сжимала искуссительница-надежда. а вдруг на этот раз получится?

Когда легкое оцепенение прошло, я открыл глаза и потянулся за заплечным мешком. Медленно развязал тугой кожаный шнурок, и вот уже оттуда в сторону слепящего света заструился поток поначалу невидимых песчинок. Вскоре он окреп, превратился в уверенную летящую полоску и стремительно взвился к Ней. И снова, как это всегда бывало, самообладание покинуло меня. Я заворожено смотрел на поток, льющийся к Луне из моего мешка и поймал себя на том, что грызу ногти. Немудрено, я волновался. Там был мой дом, мой Настоящий дом... Дом, в который я целую вечность не мог попасть...

Внезапно лунная дорожка оборвалась, мешок был пуст. И Луна начала отдаляться. Она становилась меньше, не переставая при это издевательски сиять, впитывая в себя драгоценные песчинки, которые уже кружились вихрем вокруг нее и оседали на поверхности. Еще несколько мгновений – и она приняла свой обычный вид, которым можно удивить разве что неискушенного путешественника, мечтателя, но не такого, как я.

Смотритель дружески похлопал меня по плечу. Видимо,

мой опустошенный вид вызвал в нем сочувствие.

– Не в этот раз, приятель, – тихо сказал он. – Ты, видать, еще нужен нашему Городу.

Итак...

Есть где-то одна равнина на берегу моря. Она, конечно, ровная, как любой равнине и полагается, но несколько холмов вокруг все же можно увидеть, если окинуть ее взглядом с определенной точки. И с самого высокого холма виден аккуратный, почти идеально круглый, островок и соединяющий его с Материком большой каменный мост. На острове раскинулся бисерной россыпью Синий город. О, это удивительное место, скажу я вам! Начиная с живущих в Городе существ (именно так, поскольку доподлинно неизвестно, кто из них является людьми, а кто – чем-то иным) и заканчивая массой построек синего цвета. Говорят, у жены первого градоначальника были глаза похожего оттенка, бездонно-василькового. И добавляют, что именно после ее смерти в городе появилось столько домов синего цвета, а особо творческие натуры, которых здесь хоть отбавляй – что это море раскрасило стены своей солью...

Ступив на мостовые Синего города, будь готов мгновенно потеряться. Иначе его и не рассмотришь толком. Лишь заблудившись в его бесчисленных переулках в попытках найти залитую солнцем Круглую Площадь, пройдя через пару десятков синих арок и проемов, словно сошедших с работ Эшера, можно ненадолго почувствовать себя его жителем.

А когда наконец попадешь на Площадь, обязательно зайди к госпоже Ницке на чашечку вкуснейшего кофе. Перед ее кофейней в любую погоду стоят крошечные столики. Куда бы ты ни присел, отовсюду будут прекрасно видны и слышны ритмы уличных актеров и музыкантов, которых на Площади полным-полно. А когда, немного передохнув, почувствуешь на щеке ветерок, так это легкий бриз, зовет тебя отправиться дальше. Особенность этого вида ветров в том, что днем он дует с моря и освежает воздух. А ночью ветерок возвращается обратно и зовется ночным или береговым бризом. И вот пройдя по одной из лучевых улиц, ты попадаешь к берегу прозрачного как стекло моря, которым наш город окружен со всех сторон. На набережной, среди аллей художников, чьи картины также излучают все оттенки синевы, и бесчисленных кафешек, потеряться уже не получится, да и не нужно – наши лазурные домишки как на ладони, кажется, бери любой и лепи магнитиком на холодильник. А если все же решишься заблудиться по-настоящему, рано или поздно найдешь Медину – старейший городской базар со свежими фруктами и чудесными тканями. Но самый загадочный наш торговец во все не там обитает. Его лавочка с мелочами со всего света, да такими необычными и странными, что дух захватывает, находится вдали от Медины, у самого берега, и расположена в таком крошечном закутке, что не сразу заметишь. Но если удастся разглядеть в тени раскидистой шелковицы по-

началу неприметную дверку, радуйся: тебе удалось обнаружить главную сокровищницу города...

Ну как, дорогие мои, желаете сделать это прямо сейчас? Прокачу с ветерком, и всего за несколько монет! – этой привычной завлекающей фразой Умберто заканчивает свой монолог и вприпрыжку направляется к своему автобусику. У старенького пузатого Фольксвагена такой вид, что сразу понятно: везет прямо в сказку. Иначе откуда эти потертые, словно стены древнего замка, скрипучие дверцы и приглушенный свет в салоне? Разноцветные сиденья в лучших традициях азиатских тут-туков также располагают к интригующей поездке. Наверное, и поэтому тоже у Умберто отбоя нет от клиентов. Он и сам похож на передвижную сувенирную лавку: из всех карманов торчат брелки, какие-то погремушки, поделки и маленькие открыточки, а зеленая шляпа с огромными лохматыми полями испещрена разноцветными значками. Праздные туристы всю дорогу вникают в хитросплетения умело рассказанных историй и судеб, готовясь впустить в свои жизни Неожиданное, Непредсказуемое и в то же время что-то неуловимо знакомое. Этим ощущением мог бы поделиться любой ребенок, а взрослые его уж подзабыли. Вот и слетаются, как пчелы на мед...

Да и сам Умберто, нет-нет, да и поймает себя на замирании сердца при въезде в Город. Особенно когда проезжаешь большую Желтую Арку – единственную постройку, которой

не коснулась любовь основателей к ультрамарину. Краска уже здорово облупилась на ее широких ногах, но все же Арка продолжает выглядеть величественно. По всему периметру приютились барельефами неведомые существа в окружении цветущих деревьев. Под ногами у них выступают из стен спелые плоды и ягоды, а среди веток проглядывают удивительные птицы в сказочном оперении. Постарался все-таки неизвестный Мастер на славу, думает Умберто, – и так спокойно ему возле Арки, она как напоминание, что в мире еще осталось что-то нерушимое.

А меж тем набитый туристами Фольксваген несется дальше и въезжает на Кольцевую улицу, которая настолько узкая, что, высунув руки из окон, можно рисовать на стенах домов с обеих сторон. Время от времени туристы так и поступают, поэтому Кольцевая – самая любопытная из тех улиц города, на которых круглые сутки могут появляться посторонние. Некоторые же, особенно выдающиеся уголки, Город показывает лишь тем избранным, которых успел полюбить. Он тоже хочет понравиться, запомниться. Вот и ведет себя иногда, как юная кокетка.

В Городе автомобили, кроме микроавтобуса Умберто – редкость. Поэтому местная детвора встречает Фольксваген «на ура». Конечная точка маршрута – Круглая Площадь – мгновенно наполняется жизнью. Дети обступают туристов,

словно нетерпеливые цыганята, и торопятся отвести каждого в «самое секретное место!» – а таких мест, в отличие от машин, в городе полным-полно. В итоге все желающие получают бесплатную экскурсию, а ребята – общение с людьми с Материка. Обмен вполне равноценный, ведь не каждый захочет покидать Город ради простого развлечения, а как живут обитатели Материка – любопытно.

Последним из автобусика выбирается молодой человек, такой высокий, что кажется, чтобы преодолеть открытую дверь, ему приходится сложиться вдвое. Щурясь на солнце и поправляя разбросанные летним ветром светлые волосы, он пружинисто спрыгивает на мостовую и довольно восклицает:

– А клево у нас тут!

– У нас, не у вас, – мягко поправляет из-за его плеча невесть откуда взявшийся Умберто и мчитя по своим делам. – Нет-нет! – кричит ему вдогонку юноша. – Я не оговорился. Я остаюсь. – И сбрасывает на шербатые камни бывалый походный рюкзак, на котором виднеется бирка с именем «Мартин» и номером телефона.

Все вокруг замирает от неожиданной новости. Даже ветер будто замедляется. Десятки невидимых глаз с любопытством изучают нового гостя. Умберто уже не слышит его, окруженный уличными торговцами, которые обступают его в ожидании своих закупок с Материка. Но остальные жители, даже дети, кружащие поблизости шумной толпой, немедленно притихают. Даже клетчатые скатерти на столиках ближай-

шего кафе перестают колыхаться от ветра. Как это – «остаюсь»? В Синем городе нельзя просто вот так, так-то города на всех желающих не хватит. Но юноша будто не замечает реакции горожан и продолжает улыбаться во весь рот и впитывать местные запахи и звуки. Особенно звуки.

Во внезапно наступившей тишине он сразу слышит, как шаркают о брусчатку старые кожаные сандалии, и оглядывается. Перед ним стоит маленький старичок, ниже его на три головы, в длиннополой накидке, обрамленной белоснежной бородой. Еще бы остроконечную шляпу со звездами, и будет вылитый Мерлин, думает парень. Тем временем, старичок незаметно берет его под локоть и шепотом интересуется:

– А ты, сынок, всерьез, надолго к нам?

– Конечно, – так же шепотом отвечает Мартин. – У меня бабушка здесь живет.

– Так, выходит, ты погостить, – облегченно вздыхает старик.

– Нет-нет, ко мне на днях синица прилетела. А это же вроде как дурной знак. Я что-то волнуюсь. Буду жить здесь, за бабушкой присматривать.

– Синица? – хитро ухмыляется его собеседник. – Ну-ну. Это ж не все так просто тогда. Да и знак этот – не дурной. Потом расскажу.

С этими словами Философ отводит Мартина в сторонку и продолжает:

– Знаешь, сынок, ежели ты решил здесь у нас поселиться,

ты должен знать, что это непросто, придется потрудиться. Любовь Города к себе надобно заслужить. Он у нас такой, не каждого принимает. До тебя еще куча людей просилась, но остались совсем немногие.

– Ну вот, кто-то же остался! – с надеждой произносит Мартин, и лицо его внезапно становится очень серьезным. – Скажите, что нужно делать.

– Ты должен Городу что-то предложить. Что-то, что идет прямо из твоего сердца, и чего здесь пока нет. Может, он тебя и примет под крылышко. А если не выйдет, ну поживешь у бабули – и обратно. Идет?

Мартин некоторое время изучает лицо старика. Похоже, не врет. Все так и есть.

– Если условия сделки таковы, то я согласен, – кивает он. – Терять мне нечего. Да и на Материке ничего не держит. Покажете, где улица Подсолнухов?

Прибытие

Итак, когда-то давным-давно... Точнее, в одну особенно лунную ночь, когда чернильные тени деревьев противопоставлены залитой лунным светом траве, а темное небо украшено пригоршней светящихся звездных крошек, к большой Желтой Арке, разделяющую городскую стену на Здесь и Там, приблизилась фигура в темном плаще с капюшоном и большим заплечным мешком. Походка выдавала усталость странника, который, очевидно, проделал долгий и непростой путь. Его остроносые туфли, покрытые дорожной пылью, станцевали в последний раз перед остановкой – путник неуверенно переминался с ноги на ногу, словно чего-то ждал.

Через несколько минут лунный свет пробился сквозь городскую арку и озарил широкую дорогу, продолжающую каменный мост прямо к центру Города. Путь был неблизким, но ноги сами двинулись вперед, и через некоторое время нежданный гость оказался посреди Круглой Площади.

Небольшие домики со спящими в них жителями в свете уличных фонарей переливались причудливыми зеленоватыми пятнами – теплые блики смешивались с синевой стен. Вроде бы простое физическое явление, но со стороны это казалось странным танцем каких-то неземных бестелесных существ, переползающих со стены на стену. Путник нетер-

пеливо огляделся по сторонам, заметил в тени фасадов узкую дорожку, вилющую между домиками, и направился к ней.

Дорожка увела его от площади к дальней окраине, однако он успел почувствовать на своем лице дуновение ночного бриза и удовлетворенно хмыкнул: направление выбрано верное. Он двинулся дальше и вскоре достиг своей цели – вскоре среди зарослей шелковицы, ночью особенно сильно источающей свои ароматы, возникла неприметная белая хижина с зеленой дверью. У входа приветственно светил маленький фонарь, но домик был пуст. Он улыбнулся из-под капюшона. Все-таки предчувствия меня не подводят, это самое подходящее место.

С этими мыслями Гость уверенно распахнул дверь и превратился в Хозяина. Мешок медленно скатился с его усталых плеч и примостился на невесть откуда взявшемся стуле. Мало-помалу глаза привыкли к темноте и начали замечать и другие предметы: покосившиеся полки вдоль стен, добротный дубовый стол и пару бочек с неизвестным содержимым по углам. С потолка свисали высохшие пучки разнотравья. В воздухе стоял запах смешанного с многолетней пылью сена. Человек в капюшоне подошел к окошку и распахнул ссохшиеся створки. В ноздри ударило соленым ветром, который немедленно подхватил пылинки, дымную паутину из углов и закружил по комнате. Стало свежо и немного зябко. Он поежился и тихонько рассмеялся. Играешь со мной, это хо-

рошо. Давай приберемся? – Завтра... – донесся до него еле различимый шепот ветра. – Ну, завтра так завтра, что делать, зевая, согласился Он, огляделся в поисках кровати и обнаружил в дальнем углу крепко сбитый топчан. Удовлетворенно хмыкнул, улыбнувшись залетевшему в комнату сну и потянулся рукой к заржавевшему шпингалету, чтобы запереть окно. Квадратный проем залило светом. Путник на секунду зажмурился, а когда открыл глаза, увидел прямо перед собой огромный, светящийся диск Луны.

– Ну вот я и почти дома, – еле слышно произнес он.

Камила, Грэм и сны

Ребята гуляли по набережной, взявшись за руки и при-танцовывая. Вдоль широкой дороги, обрамляемой с обеих сторон цветущими деревьями, гонялись друг за другом солнечные зайчики. Их ожидал еще один безмятежный майский день, наполненный радостным предвкушением приближающегося лета. Впереди они увидели мороженщика и радостно замахали ему. Добродушный толстяк с широкими и жесткими как щетка усами приветственно поклонился.

– Как всегда, клубничное и фисташковое? – осведомился он.

– А то! – радостно подхватил Грэм. – Только можно эти два мне, а для Камилы шоколадное и карамельное.

Расплатившись, они схватили свои сладкие кулечки и двинулись дальше, угощая друг друга мороженым, показывая пальцами на уличных торговцев и новые безделушки, привезенные Умберто с Материка. Грэм запрыгивал на согретые нежным майским солнцем скамейки и напевал что-то жизнерадостное. Теплое солнечное утро было наполнено эйфорией детства и казалось каким-то вечным.

Незаметно они добрались до самого конца набережной, где закончился каменный парапет и волны пенистыми носами утыкались в небольшую поросшую деревьями скалу.

– Смотри! – вдруг воскликнула Камила.

Грэм не сразу понял, куда показывала подруга, а когда заметил, удивленно присвистнул. Среди цветущих зарослей проглядывал кусок обшарпанной белой стены и покосившееся крылечко. Хижина была заброшена много лет, но теперь на крыльце у зеленой двери сидел человек в темном плаще. Лицо его было скрыто капюшоном, но поза выдавала расслабленность и дружелюбие, поэтому мальчик смело двинулся вперед.

– А вот и первые гости, – улыбнулся незнакомец из-под капюшона и встал им навстречу. – Вам, наверное, и приглашение не нужно, готов поспорить, вы оба бывали здесь множество раз.

Дети переглянулись и, удивленные его догадкой, вошли внутрь. Почти пустую раньше хижину было не узнать: вдоль самой широкой стены растянулись полки со всякой всячиной: горшки всех форм, цветов и размеров, причудливые склянки, морские ракушки, звезды и засушенные ежи, какие-то древние аппараты, назначение которых вызывало крайнее любопытство... Напротив входа возвышался длинный деревянный стол, очевидно играющий роль прилавка, на котором почему-то разместилась небольшая портативная газовая плитка. С потолка на них пахло смесью ароматов засушенных цветов и трав.

Ребята стояли, разинув рты.

– Эээ... а что это здесь теперь такое? – Грэм первым на-

рушил тишину, растерянно оглядываясь по сторонам.

– Ничего особенного, – ответил незнакомец. – Просто лавка с мелочами, радующими глаз и душу.

– Аааа... а травы для чего? – осмелела Камила и недоверчиво покосилась на торговца.

– Ну как для чего. Обычная бытовая магия, – спокойно отозвался тот. – Твоя мама или бабушка готовят себе лекарства? Или заваривают целебный чай?

– Ах, это да, – облегченно согласилась девочка. – А я уж было подумала...

– Что я тут занимаюсь страшным колдунством? – рассмеялся новый хозяин хижины. – Ну не без этого. Хотя всему свое время, – добавил он загадочно и представился: кстати, меня зовут Тээм. Торговец Мелочами. Это мое предназначение здесь, в этом Городе.

– Предназначение? – удивился Грэм. – А имя тогда какое?

– Знаешь, там, где я родился, имен не давали. Поэтому можно сказать, что имени у меня и вовсе нет. Или наоборот, их были сотни... в общем, зови меня Тээмом, так мне привычнее.

Легкое оцепенение сменилось любопытством, и вопросы посыпались один за другим.

– А где ты родился? Как у знал о нашем городе? Ты с Материка? Давно ты здесь? Как у тебя получилось остаться?

– Погодите, погодите. Вы обязательно все узнаете, но не сразу. Не хотите ли выбрать себе что-нибудь из моих чудес-

ных безделушек?

– А у нас денег нет. – Ребята опустили глаза и принялись сосредоточенно разглядывать шершавый дощатый пол. Свои немногочисленные монетки они потратили на мороженое.

– Да не переживайте! В моей лавочке деньги не нужны. Я принимаю оплату снами.

– Снааами? А это как?

– Это несложно. Я покажу. Вам главное помнить сегоднешний сон, и все получится.

Грэм погрустнел.

– А я не вижу снов. Совсем. Так что и за ваши диковинки у меня оплаты нет. – Произнес он потухшим голосом.

Камила удивленно взглянула на него. Вот это неожиданность! Каково это, всю жизнь вместо чудесных разноцветных миров, да пусть и вереницы каждодневных воспоминаний с налетом фантазии, и даже колючих ночных кошмаров, смотреть на равнодушный и безмолвный черный экран? Ей внезапно стало стыдно за свою способность видеть все это каждую ночь. Она потянула друга за рукав и растерянно сказала:

– Мы, наверное, пойдем.

– Ну что ж, дело ваше, – миролюбиво отозвался Тээм. – А сны дело наживное, выход всегда есть.

Мальчик с невнятной надеждой взглянул на странного торговца, но Камила уже тащила его на улицу. Ноздри наполнились соленым воздухом. С моря доносились крики чаек. Загадочная фигура в капюшоне, выглядывающая из-за

распахнутой зеленой двери, становилась все дальше. Привыкнув к дневному свету, они снова вернулись в привычную реальность, наполненную запахами и звуками безмятежного майского дня.

Письма Анны

У Анны на столе стоит старая пишущая машинка. Когда-то она принадлежала писателю из мансарды на улице Гармошек, а затем долгое время стояла на столе у секретаря мэра. Конечно, работать в мэрии было не так интересно, как у писателя, однообразие и рутина сплошная, какие-то скучные документы вместо увлекательных рассказов, но выбирать не приходится – работа есть, и то славно. Внутри, под выдавшим виды потертым корпусом, за долгие годы скопилось множество историй, но рассказывать Машинка может лишь те, что были на ней напечатаны. Да и слушатель у нее пока всего один – серая кошка хозяйки с белой кисточкой на хвосте. Есть у Машинки и любимые истории, но кошка не всегда слушает внимательно. Вот Анна Машинку больше уважает, в иной день подойдет и знай стучит по клавишам до самого обеда. Некоторые буквы уже совсем стерлись, но Анна и так отлично помнит, где чье место, и никогда не ошибается.

Каждое утро Анны начинается одинаково: завтрак, мягкие кошачьи лапки теребят фартук, тихонько скрипит деревянный стул. Затем сосредоточенная пауза, и вот уже спустя несколько секунд тишина сменяется ритмичным механическим перестуком.

«Мой милый Габриэль! Вчера у нас с госпожой Ницке

произошла веселая история. . . Она накануне была в театре и взволнованно рассказывала мне, как восхищена игрой одного актера. А уже после спектакля выяснилось, что это Мартин, ее внук, решил со своими друзьями музыкантами попробовать себя в новом амплуа. И она его не узнала в гриме! Вся улица хохотала, представляешь.»

«Любезный Габриэль! Я скучаю. Чем больше тебя не хватает, тем острее я ощущаю появление новой жизни. . . На прошлой неделе у соседки напротив родилась двойня, чудесные мальчик и девочка. Я уж думала, подзабыла, как принимать роды, но оказалось, руки помнят. Все прошло просто замечательно, как в старые времена, когда я была акушеркой в госпитале на Материке. Это все еще так волнительно. Знаешь, я думаю иногда про старость, но все еще чувствую себя живой, особенно когда что-то может меня взволновать. Иногда это рождение чего-то нового, например, новая мелодия городских музыкантов, а порой обычный цветущий кустик, как разнесет по улице свой медовый аромат, сразу на сердце легко и как-то по-детски. Во мне все еще живет беспечная юная девчонка, которая потеряла башмак в день нашей первой встречи. Значит, не скоро увидимся.»

«Мой дорогой Габриэль! Надеюсь, ты от души посмеялся вместе со мной над ситуацией, рассказанной в прошлом письме. На этой неделе особых событий у нас не было, разве что привезли свежайшую пикшу на рынок, прямо глаз радовался, и я немедленно захотела побаловать нашу Кисточку.»

«Дорогой мой Габриэль, прости, что так давно не посыла- ла тебе весточку. У меня все хорошо, просто начался сезон посадок, и я не могла пройти мимо – Умберто привез с Ма- терика новые виды семян. Так что последняя неделя прошла в хлопотах...»

У Анны на столе порядок – каждое новое письмо отправ- ляется в аккуратную стопку таких же заполненных печат- ным текстом листочков. Машинка только недоумевает – ведь Анна отправляет письма всего раз в неделю. Зачем тогда столько писем. Все же просто: напечатал письмо – отправил, потом следующее. Ну, с другой стороны, печатает и ладно. Главное не простаивать.

Но сегодня воскресенье – особый день. В этот день Ма- шинка отдыхает. У ее хозяйки много важных дел. По воскре- сеньям Анна просыпается засветло, и на ее лице сразу появ- ляется блуждающая улыбка. Примерно через 15 минут она уже одета и отправляется в пекарню через дорогу. Вскоре маленькая, но уютная кухня Анны, где все оформлено в при- вычном для хозяйки стиле 60х, наполняется запахами кофе с кардамоном, малинового джема и свежих маковых крендель- ков. Крендельки устраиваются на маленьком расписном под- носе вместе с чашкой и отправляются на балкон – там Ан- на, предусмотрительно обув мягкие махровые тапочки, дол- го пьет кофе маленькими глоточками и периодически мака- ет крендель в джем, смакуя свое воскресное утро. Она знает, что, готовясь к чему-то хорошему, важно уметь остановить-

ся и насладиться не менее прекрасным процессом подготовки.

Затем Анна берет свою маленькую желтую сумочку с металлической ручкой, в которую как раз помещается стопка писем, надевает пудровый плащ, навешивает на руку платок и зонт на случай дождя. Подходит к большому напольному зеркалу и критически оглядывает себя. Из отражения на нее смотрит немолодая очень опрятная женщина лет шестидесяти в элегантном платье и туфлях на широких устойчивых каблуках под цвет сумочки. В светлых искрящихся глазах поселилась грусть, обрамляющая паутиной морщинок немного усталый взгляд. Ну, надо бодриться. Окидывает хозяйским взглядом свою небольшую квартирку, проверяя, все ли выключено, есть ли вода у кошки, и с облегчением вздохнув, отправляется в дорогу.

Путь неблизкий, через весь город, но Анна не торопится. Можно, конечно, поехать на единственном в Городе автобусе Умберто, но где этого Умберто носит, еще поди поищи. К тому же, можно не привязываться к маршруту и хитросплетению городских дорог, а идти как идется. И вот Анна с сумочкой и зонтиком наперевес неспешно проходит через сквер и Торговую улицу, прямо до центральной площади. Затем – налево, через школу, откуда даже в выходной день доносятся оживленно перебивающие друг друга детские голоса. Потом вниз по немного пустынной улице Надежд еще примерно полчаса, и вот она уже на месте, взволнованно теребит в

руках шелковый платок.

На Анну смотрит кажущаяся бесконечной высокая стена из потрескавшегося светлого камня, ограждающая Город с незапамятных времен. Анна поднимает глаза вверх, придерживая расшитую цветами шляпку – не ровен час слетит с головы, да подхватит ее весенний ветер. Нам сюрпризы не нужны. Ну вот а теперь нужно смотреть под ноги – вдоль стены десятки молодых саженцев вперемежку с подростками деревцами, но все же не такими большими, чтобы какая-нибудь озорная ребятня могла вскарабкаться на стену. Главное, найти правильное дерево, и Анна медленно движется вдоль стены, считая шаги. Она приходит на это место уже много месяцев и знает наощупь каждую выщербленку в древнем камне, но каждый раз считает шаги, потому что ошибиться нельзя. А иначе письма не дойдут.

Еще один знакомый скол, еще один... и вот наконец она на месте. Если оглянуться, можно увидеть позади целую аллею посадок самых разнообразных деревьев: здесь и абрикосы семьи Марио, которая жила в городе несколько десятков лет назад, и яблоня госпожи Юки, которой не стало еще лет пятнадцать назад, и юные сосенки некоторых ее бывших соседей, и ивы, и кустики жимолости... Анна проходит мимо зеленых знакомцев и останавливается возле молодого каштана, не выше ее ростом, но уже уверенно раскинувшего ветки на пару метров вокруг. «Здравствуй, мой милый Габриэль», говорит Анна и гладит жесткие листья. – Вот я и при-

шла».

Рядом с каждым деревцем есть свой тайник. В него жители города складывают садовые инструменты и лейки, а кто-то хранит сокровища вроде разноцветных стеклянных плиток или журавликов из бумаги. У Анны тоже есть такой небольшой зеленый ящичек, припрятанный в тени еще неоперившихся веток. Она отпирает ящик, достает лейку, чтобы набрать свежей воды из ближайшего ручья, а затем тянется к сумочке. Старательно напечатанные любимой Машинкой письма переправляются на новое место обитания, но ненадолго – по воскресеньям Анна приносит новую стопку, в то время, как старая бесследно исчезает. Так уж тут устроено. Ну, дело сделано, и теперь есть время просто побыть рядом. Почти вместе.

Уже вечерет, и Анне пора домой, кормить кошку Кисточку. Может быть, она снова заглянет на рынок за каким-нибудь лакомством, хотя свежий улов всегда лучше брать утром. Возможно, свежие цветы? Нужно же чем-то себя порадовать в этот день и обязательно рассказать Габриэлю, но уже следующим письмом. А завтра будет новое утро и новые заботы.

Альба Ницке

Госпожа Ницке разливала чай на веранде прибрежной кофейни, заполненной крошечными столиками из черного металла, и любовалась внуком. Какой же молодец, что все-таки приехал! Не зря посылала синицу, хоть жители Материка и не знают об их экстраординарных способностях доставлять записки, потому ни прочитать, ни даже увидеть их не могут. Но Мартин умный мальчик, почти сразу сообразил, что птичка – это весточка от бабушки. Весь в родню.

Мартин был единственным внуком госпожи Ницке и по совместительству тем самым человеком, с которым ее связывала многолетняя и искренняя дружба поколений. О родителях Мартина мало что было известно, и Альба старалась аккуратно обходить эту тему в разговорах с соседями на Материке, где она с младенчества воспитывала мальчика. Существование, слово-то какое, подумала она – будто не живешь вовсе. Жизнь на Материке угнетала Мартина, как и саму госпожу Ницке. Как-то раз у них с внуком случилась знаменательная поездка на экскурсию в Синий город, и она заново влюбилась в его запутанные улочки, соленый воздух с набережной и миролюбивых жителей. Итак, Альба Ницке решила выполнить бабушкин долг, дождалась, пока внук закончит школу и будет готов к самостоятельной жизни, и упорхнула в Город. Много лет она была бессменной хозяй-

кой маленькой уютной кофейни на краю площади, прямо у набережной – бесхозный домишко давно нуждался в любви и заботе, а вид с огромного открытого балкона был просто потрясающий. А если спуститься вниз по узорчатой винтовой лестнице, можно попасть в жилую часть домика, где и ночевал теперь на пузатом диване новый гость.

– Как прошел день, дорогой? – с улыбкой поинтересовалась она.

– Просто отлично! – возбужденно поделился Мартин, прихлебывая чай с чабрецом. – Мы с ребятами сотворили новую композицию. Готовимся к премьере. Я просто в нетерпении, всего неделя осталась.

– Да, это замечательная традиция, милый. В ней же каждый житель участвует, кроме, пожалуй, господина Зондера, ну ты знаешь, он не выходит из дома.

– А, я заходил к нему на днях. Суров, это точно.

Мартин с аппетитным хрустом раскусил круассан и продолжил делиться своими открытиями.

– А сколько у вас здесь удивительных людей живет! Один Философ чего стоит. Борода длиннющая, кажется, он может в нее обернуться несколько раз. Я заметил, к нему частенько жители ходят за советом, и стар, и млад, как говорится. А вот туристов не пускает к себе. Меня тоже не пустил, я ж тут пока тоже за своего не числюсь, – юноша заметно погрузтел.

– Не переживай, дорогой, еще приживешься. Помнишь, что он сказал тебе в первый день? – нужно Городу дать то,

чего у него нет, и тогда обязательно он тебя себе оставит. По-моему, вы с ребятами неплохо справляетесь. Отличная идея пришла тебе в голову – организовать уличный музыкальный театр. Это и правда что-то новенькое для здешних мест. К тому же, у ребят и инструменты имеются, они ж не первый год уже играют на площади. Как ваша пьеса, уже начали репетировать?

– Пока нет, корректируем сюжет. Непросто это все, бабуль, хоть и чертовски увлекательно... Ты мне вот что скажи: а кто такой этот Тээм? Ну тот, что всякие разности продает в своей белой хижине на окраине. Говорят, он плату принимает не монетами, а снами. Это как вообще?

– Ох, внучек, многого я тебе рассказать не смогу – он же не так давно в городе появился. Вернее будет сказать, возник. Хижина та пустовала долгие годы, да никто туда особо и не ходил, кроме местной детворы, они там играли. И вот он хоть и выбрал для своей лавочки такое неприметное место, все равно от клиентов отбоя нет – это ж та еще диковинка, когда за понравившуюся мелочь можно расплатиться сном. А как это происходит, я и не знаю даже, сама туда ни разу не ходила. Необычный это торговец, скажу я тебе. Здесь-то у площади их полно, я их и по именам знаю, и какой у кого ассортимент. А вот где Тээм свои вещички добывает, для меня загадка. Они ж тоже удивительные, такое ни в одной лавке не купишь. Говорят, приехал к нему как-то турист с Материка и рассказал, что после смерти жены его дочка ма-

ленькая погрустнела совсем. Кушала плохо, на улицу не глядела, игрушки забросила. Сидела себе в комнате и в окно смотрела целыми днями. Ну как тут не заперезживать. И Тээм продал ему статуэтку котенка, такую милую, что загляденье прям. Оказалось, статуэтка непростая: по ночам она превращалась в настоящего котенка, с которым малышка и начала играть. И представляешь, спустя некоторое время грусть сменилась радостью, она начала гулять, учиться ей интересно стало. Сейчас наверное подросла уже...

Магия, не иначе.

– Ладно, милый, заболталась я с тобой. Пора бы мне прибраться да посетителей ждать. Слышу, автобус подъезжает, вон уже гроыхает по Кольцевой. Ух сейчас туристов набегит! Погуляют-полюбопытствуют, открыточек да диковинок понакупят и потом обратно. Ты-то не думал о том, чтобы вернуться на Материк? Прыгнешь в автобус к остальным, и через пару часов окажешься в своей прежней реальности.

– Да ты что, бабуль, смеешься что ли, у меня здесь только жизнь началась.

– Началась-то началась, – одними глазами улыбается Альба. – Но знаешь ли, сколько было таких энтузиастов, которые пытались остаться в Городе всеми правдами и неправдами, а потом все равно уезжали. То, от чего они сюда бежали, все равно их настигает. Потому что все внутри нас самих: и все проблемы, и все ответы. Это ж не просто переезд в новое место. Попадая сюда надолго, человек сталкивается

с собой по полной. Эйфория первых дней проходит быстро, а потом ушатом холодной воды на тебя обрушиваешься ты сам со всеми недоговоренностями, со всеми переживаниями, болями, страхами, да что там, со всем дерьмом, что есть у каждого. Поверь, я знаю о чем говорю... Многие не выдерживают и сбегают в привычное окружение, думают, что это оно их когда-то вылепило такими, как они есть, и счастливо выдыхают, чувствуя себя младенцем в уютной материнской утробе. Но видишь ли, хотя бы единожды почувствовав себя Настоящего, невозможно снова существовать счастливой пластилиновой фигуркой... Ох, все-таки пойду я, а то за разговорами гостей провороню.

С этими словами Альба смахнула с клетчатой скатерти крошки и выпорхнула из-за стола, оставив внука с недоеденным круассаном во рту и кучей вопросов в голове.

Господин Зондер

Грэм открыл глаза, когда за окном только занимался рассвет. В отличие от обычных дней, сегодня у него была веская причина, чтобы встать ни свет, ни заря. Практически не глядя он нацепил одежду и уже через пару минут оказался на улице. Вдохнул полной грудью свежий прохладный воздух. Ночью прошел дождь, и все вокруг просто дышало влагой. Осторожно ступая по мокрым камням мостовой всех оттенков синего, Грэм двинулся в самый конец улицы Подсолнухов. Там, на отшибе, упираясь кирпичным носом в пустырь, стоял дом господина Зондера. Он был окружен старым посеревшим забором, за которым можно было увидеть запущенный сад – голые облезлые деревья и кусты, разделенные заросшими грязью дорожками – не самое привлекательное зрелище. Это был единственный палисадник улицы Подсолнухов, который совсем не выглядел жизнерадостным.

О господине Зондере рассказывали всякое странное. Это был замкнутый, нелюдимый пожилой мужчина, предпочитавший общению с соседями сидение в потемках. На улице его почти не видели, людей он сторонился, никого не пускал к себе и прослыл хмурым отшельником. Грэм выяснил больше других, поскольку не пропускал ни одного рассказа Умберто о горожанах. Он узнал, что Клаус Зондер в молодости был талантливым художником, который стал известным бла-

годаря ярким, жизнерадостным видам Синего города. У туристов его картины были нарасхват, Умберто свое дело знал. Многие даже приезжали по несколько раз, только лишь чтобы купить новый шедевр. Говорили, что у Зондера когда-то была жена, но много лет назад она умерла, и тогда его реальность сдвинулась. Новые картины рождались все реже, а потом и вовсе перестали появляться. Только в первый день лета, в день рождения покойной жены, художник выходил из своей спячки и создавал одно единственное гениальное полотно, словно двенадцать месяцев копил на него весь свой оставшийся творческий запал. На остальной же год уныние захватывало его и его дом целиком. Старик запирался в своем покосившемся от времени жилище, лишь изредка выходя на крыльцо за продуктами, которыми заботливо снабжал его Умберто, и лето в его саду так и не наступало. Деревья и растения медленно засыпали до следующего сезона, и во всей округе не было сада печальнее.

Как и ожидал мальчик, на улице не было ни души. Солнце только начало нагревать землю. На его глазах с первыми робкими трелями просыпались птицы на деревьях, цветы на клумбе у дома бабушки Анны распустились и радостно повернули свои головки к солнышку. Он бы с радостью поприветствовал их, но Грэм очень торопился. Нужно было сделать все максимально тихо. Он подбежал к забору господина Зондера, присел в укрытие у отломанной доски и приготовился ждать.

Через невыносимо долгие несколько минут дверь старого дома со скрипом отворилась. На крыльцо вышел хмурый худощавый старик с дымящейся чашкой кофе в руках. Весь его вид излучал апатию, и он как нельзя лучше вписывался в окружающий его унылый ландшафт. Остановился, вдохнул аромат первого летнего дня, и в ту же секунду на лице его заиграла блаженная улыбка. А взгляд еще недавно потухших синих глаз стал ярким и ясным. Грэм почти не дышал, наблюдая за ним. Он знал, что сейчас начнется что-то волшебное, что никак нельзя пропустить!

Господин Зондер медленно спустился по скрипучим ступенькам в сад и сделал глоток кофе. Когда подошвы его ботинок коснулись земли, та странным образом начала меняться. Шаг за шагом в ней пробуждалась Жизнь. Вот серая высохшая земля стала темной, густой, влажной; вот будто под самой поверхностью что-то завибрировало, и вскоре на месте следов от ботинок проклюнулись первые нежно-зеленые ростки. Следуя за своим хозяином, земля оживала по всему саду, покрываясь свежей молодой травой, которая вытягивалась за считанные секунды. Зазеленели почки на кустах и деревьях, в воздухе запахло весной. Вдалеке послышалось пение птиц. Вытоптав небольшой круг неподалеку от крыльца, Зондер наконец аккуратно поставил чашку с кофе на старый трухлявый пенёк и, слегка подбоченившись, с довольным видом ушел осматривать свои владения.

В ту же секунду Грэм беззвучно сорвался с места и под-

бежал к пеньку. Нужно все сделать незаметно, а то не работает! Дотронулся пальцами до влажного темного пня, погладил горку проступившего сквозь трещины в дереве нежного мха. Осторожно вытащил из внутреннего кармана куртки пустой пузырек, который накануне дал ему Тээм, и накапал в него остывшего кофе из щербатой чашки. Ох, надеюсь, этого хватит, подумал он, следующий шанс только через год... а это может быть уже поздно. Проверил на свет: содержимое выглядело неплохо, и Грэм аккуратно закупорил емкость и спрятал обратно в карман. Затем тихонько, чтобы господин Зондер его не заметил, стараясь не наступать на зачатки прорастающего повсюду газона, он вернулся в свое укрытие, где наконец смог отдышаться.

Меньше часа спустя Грэм встал на пороге белой хижины и постучал несколько раз, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу в ожидании.

– Тээм!! Я принес! – крикнул он.

– Ну что кричишь? Знаешь же, я в это время суток еще сплю, – слышался ворчливый голос. Однако через минуту недовольная физиономия Тээма все же показалась из-за двери. – Давай, – сказал он. – Я ж понимаю, что нужно быстро работать, пока не улетучилось. Приходи завтра, все будет.

Мальчик осторожно вытащил из кармана пузырек и протянул его Тээму. Тот открыл пробку и сделал глубокий вдох.

– Ммм, аромат первого летнего дня! Да еще и усиленный неплохим кофе. Хорошо, – одобрительно произнес он. – Это

точно поможет.

– И он снова сможет писать свои картины круглый год?

– Определенно. Только дать средство нужно вовремя. Как только закончится лето, ни днем раньше, ни днем позже, понял?

Грэм коротко кивнул и умчался по своим делам, зная, что Волшебству мешать нельзя. А то не получится.

Мартин и Марта

Они сидели на залитом лунным светом пирсе и болтали ногами. Мартин бодро прихлебывал умбурский эль из темной бутылки, запасливо прикупленный на Торговой улице в середине дня. Длинные тонкие ноги Марты время от времени касались теплой воды. В штиль летней ночью очень хорошо, так сидел бы и сидел, глядя на звезды.

– Мы с тобой как братишка и сестренка, Мартин и Марта. Ты моя Гретель, а я твой Ганс, – с теплотой в голосе произнес он и приобнял ее за худые плечи.

– А потом мы заблудимся в лесу и нас сожрет злая колдунья?

– Ты неисправимая негативистка, – усмехнулся Мартин и поднял глаза к небу. Иссиня-черное полотно было испещрено кристалликами звезд, а прямо над ними светилась растущая луна. – Может, она добрая. Нет тут вредных людоедок.

– Ты вряд ли поймешь, ты здесь новенький... Город балует тебя ежедневными подарками, которые давнишним жителям вроде меня уже неинтересны. Я счастлива, только когда мы с тобой и ребятами творим наши музыкальные спектакли. Этого здесь и правда не было, тебе повезло – нашел ты, как достучаться до здешних мест, и они тебя приняли. Знаешь, сколько бывало здесь всевозможных «прохожих», которые так ими и остались. Думали, обоснуются здесь и зажи-

вут припеваючи, а в итоге позависают неделю-другую в кабаке у рыжей Брунгильды, послоняются по переулкам, а потом начинают чахнуть. И такая тоска охватывает, что только дождутся ближайшей поездки Умберто и бегут обратно на Материк. Это Город их прогоняет, а они даже не врубаются.

– Эх, друзья мои, вы живете в раю, но не понимаете этого... разве есть на свете что-то более прекрасное, чем твой вид из окна?

– Он такой же, как вчера и как тысячу лет назад. Дело лишь в этом...

Позади них послышались шаги, такие мягкие, что доски старого причала лишь слегка скрипнули и притаились. Мартин оглянулся и встретился глазами с Тээмом.

– Что подельваете, молодежь? – поинтересовался тот. Неизменный капюшон приоткрыл легкую улыбку и забавные ямочки на щеках, так несвойственные взрослым.

– Да вот, смотрим, как луна растет, – пошутил Мартин. Тээм одобритительно кивнул.

– Дело хорошее. Энергия растущей луны дает вдохновение, а кое-кому и надежду. Вот увидишь, уже завтра в твоей голове зазвучат новые ритмы, которыми захочется делиться. Приходи ко мне, как проснешься, подберу тебе какой-нибудь инструмент для новых звуков.

– Как всегда, плата у тебя небольшая? – осведомился Мартин.

– Как всегда. Для тебя небольшая, всего-то свеженький

сон принести, а для меня весьма ценная. Особенно на растущую-то луну, – заметил Тээм.

Марта внезапно оживилась и, прищурившись, внимательно посмотрела на него.

– Скажи, Тээм, а какие звезды наощупь?

– Отчего ты решила, что мне это известно? – спросил он лукаво, набивая трубку.

– Знаешь, если где-то поселяется человек в капюшоне, который приторговывает снами, он определенно знает что-то о звездах. Трудно до них добраться?

Тээм задумчиво затыкнулся.

– Знаешь, мне не доводилось их щупать. Но видел довольно близко. Хотя насчет звезд никогда нельзя быть уверенным, близко они или далеко. Вдруг это просто большая звезда за многие тысячи километров от тебя? А добираются все тоже по-разному. Если тебе очень хочется, то обязательно доберешься. А кто-то всю жизнь тянется к ним, но потом бросает. А вдруг ему предназначено было до них долететь годам к девяноста? А он и не знал. А бросив, оказался в начале пути... и уже сомневается, а нужно ли ему это. Да и звезды ли это вообще.

– Грустно, – вздохнула Марта. – Надеюсь, мне не придется ждать до девяноста.

– О, нет. Я видел твои сны. Ты слетаешь к звездам не раз.

– Ты, значит, веришь в судьбу? В то, что предназначено?

– Я верю в людей. Жаль, они не всегда делают то же самое.

– Ну ладно, мне пора, – с этими словами Марта поднялась и, оставив несколько мокрых следов на деревянном настиле, натянула тряпичные кеды. – Всем спокойной ночи.

Глядя вслед удаляющейся тонкой фигурке, Мартин вновь задумчиво произнес:

– Ну почему она всегда так?

– Как – так? – заинтересовался Тээм.

– Ну, понимаешь, она не радуется. Сотни человек, обитатели этого замечательного города, а поверь мне, я уже успел увидеть немало городов, считают себя счастливейшими людьми на земле. Особенно те, кто, как и я, смог вырваться с Материка. Они спокойные, улыбаются друг другу и просто рады тому, что они находятся там, где могут выразить себя и быть услышанными.

– А радоваться разве обязательно? – спросил Тээм. Мартин озадаченно взглянул на него.

– А как же еще? Ведь тут так клево! Мне кажется, здесь все это делают. Смотри, почки распускаются – классно. Свежим кофе, смешанным с ветром, тянет с набережной – классно. Торговцы на рынке перекрикиваются, ловят туристов – живо, классно, по-настоящему все!

– Только вот взаправду ли по-настоящему? – задумчиво проговорил Торговец Мелочами и умолк на несколько секунд. Затем продолжил: – Как ты думаешь, что принесла в это место Марта?

Мартин непонимающе смотрел на него.

– Она нужна Городу. Это место не могло бы быть настолько пронзительно радостным без нее. Она его печаль, его ностальгия по несбывшемуся, завершающий элемент паззла полноты и неоднозначности жизни. Она напоминание всем жителям о том, что живым можно и нужно быть и в грусти, и в страдании. Возможно, тебе только предстоит это узнать...

Тээм с нежностью посмотрел на постепенно растворяющийся в тени деревьев художавый силуэт девушки и погрузился в воспоминания. Он знал Марту еще девочкой. Она часто заходила в его белую хижину и, как многие до нее, в обмен на морские безделушки отдавала сны. Тревожные сны, про отчима и маму. В ее грезах отчим, в жизни лысеющий безобидный клерк среднего возраста, представал коварным монстром, забирающим жизненные силы у всех невинных существ, которых встречал на пути. Семья Марты сбежала от отца-тирана – они с матерью часто ругались, а маленькая Марта пряталась от скандалов в кладовке и в своем воображаемом мире. Она-то и узнала первая про Синий город от подружки и загорелась желанием посмотреть на него хоть одним глазком. Долго уговаривала маму, молодую целеустремленную женщину, поехать на экскурсию. А как только ее подошвы впервые коснулись облупленной васильковой краски на мостовой Круглой площади, и вовсе захотела остаться. Но вернуться удалось лишь через пару лет, когда мама снова вышла замуж и какое-то время казалась счастливой, погрузившись с головой в работу и новые отношения. А Мар-

та продолжала грезить, теперь уже о первых лучах солнца, ласкающих синие стены и черепичные крыши, о пропитанных морской солью шелестящих на ветру листьях. Она начала рисовать... По всей их крошечной квартирке копились стопки листов со сказочными сюжетами. Солнце, выложенное из разноцветных камней в центре Круглой площади. Разномастные горшки с цветами на лазурной стене. Касающиеся друг друга руки из окон напротив на Кольцевой улице. Синий кобальт и ультрамарин постоянно были в ходу. Изодня в день всеми правдами и неправдами Марта уговаривала маму переехать, но та строила успешную карьеру на Материке и никуда не собиралась. Ее жизнь складывалась замечательно, а девочка дневала и ночевала в кладовке, завешанной от пола до потолка ее мечтами о чуде. Иногда Марта наказывала себя – царапала пером, а потом и лезвием, свои тонкие запястья и подушечки пальцев. Однажды, во время очередной экскурсии, они с мамой снова оказались в хижине Тээма. Маме Марты, очевидно, все творящиеся здесь чудеса казались бессмыслицей – в тот момент, когда она со скупающим видом разглядывала длинные полки, заставленные сокровищами моря, и изо всех сил демонстрировала дружелюбие, Тээм не выдержал и спросил: «А вы знаете, что ваша дочь травмирует себя?» – «Конечно, – спокойно ответила та. – Это переходный возраст. Плюс отец у нее был не сахар. Перерастет.» Женщина смотрела на него с наигранной улыбкой, но без особого интереса. Она хотела казаться

позитивной и преуспевающей, но из-под маски беззаботности проглядывала растерянность. «Отпустите ее, пожалуйста. – неожиданно произнес он. – Ее картинки нужны Городу. Здесь ей будет хорошо. Ведь когда она калечит пальцы, она не может рисовать...»

И однажды Марта, уже почти девушка, осталась в Городе, предоставленная сама себе и своим рисункам. «Ты подарила мне Луну и звезды», – часто шутил Тээм. Одну из стен его лавочки с мелочами украшал трогаящий до глубины души вид с того самого пирса, искусно выполненный масляной пастелью. Заезжие туристы постоянно интересовались, сколько снов стоила работа, но он всегда отвечал, что рисунок не продается.

Янина

Янина сидит в кресле, обхватив себя руками, и смотрит в одну точку. Со стороны может показаться, что у нее сильный стресс, но на самом деле она просто искала способ занять руки, чтобы не броситься что-то делать по дому. Дел каждый день накапливалось немало: стирка, уборка, сборы младших детей в школу, обед на ее большую дружную семью из пяти человек, да, еще же она обещала Томасу напечь к вечеру сладких булочек с корицей, и даже уже с вечера замесила пышное тесто. Оно как раз должно было подняться в кладовке, осталось только сформировать булочки, обильно посыпать сахаром и корицей... Эх.

Но теперь, когда эта веселая гурьба разбежалась по своим важным делам, кто на работу, кто в Школу или в гости к няне, в доме стоит звенящая тишина. Это время Янины. Всего несколько десятков драгоценных минут в день, когда она может просто побыть Собой. В эти минуты не нужно никому дарить улыбки или нести стакан теплого молока в кровать Дасику, клеить аппликации с маленькой Микой, перепачкавшись в клее и красках, или бесконечно подметать внутренний дворик, который, несмотря на все усилия, продолжал выглядеть запущенно и уныло. Но Янина продолжает отмахиваться от гнетущих мыслей, от пятен на стенах, и пытается сосредоточиться на тишине и покое, наполнивших

с уходом домочадцев просторную светлую комнату со множеством окон.

Янина смотрит внутрь себя, и руки ей не мешают. Она сосредоточенно дышит, внимательно слушая каждый вдох и выдох. Хорошо бы сейчас отправиться в гости к Элле, поболтать о том о сем, шепчет ей внутренний голос. До ее дома всего несколько минут ходьбы, да и погода прекрасная. Но нет. Сейчас время Янины и ее уютного кресла.

Хорошо бы заняться вязанием, ты же любишь вязать, подсказывают руки, отчаянно ищущие себе занятие. Вон и спицы лежат, и пряжа. Делай то, что любишь, и тебе не придется работать ни единого дня в жизни, вторит навязчивым мыслям заголовок из какого-то глянцевого журнала, купленного в киоске на набережной. Янина любит вязать, она делает это просто так, безо всякой цели – на полке в кладовке прилежался длиннющий шарф цвета яичного желтка, который был начат уже пару лет назад, и конца этому шарфу нет, потому что он не для того чтобы носить, а чтобы вязать. Когда-нибудь я украшу его цветами из красной пряжи, думает она, и сразу же гонит эти мысли прочь, потому что они отнимают ее драгоценное время и сбивают с погружения в Себя. И продолжает дышать.

Спустя несколько минут во внутренний диалог вмешиваются ноги, напоминают о том, что нужно двигаться и быть в форме, иначе как успеешь за самым свежим сыром к обеду – торговцы ждать не любят. Муж Янины держит лавку с тка-

нями на Торговой улице и приносит с работы разные истории, и ей не понаслышке известно, насколько это капризный народ. Нехотя Янина выбирается из кресла и подходит к зеркалу, чтобы рассмотреть себя получше. Встречается взглядом с молодой симпатичной женщиной, лицо которой делают еще милее обрамляющие его темные короткие кудряшки, да еще и милые ямочки вокруг рта так и располагают к улыбке. Серо-голубые глаза с солнышками посреди зрачка, круглые, как у совенка, устало смотрят прямо на нее.

Внезапно ее взгляд цепляется за незнакомую вещицу на полке: среди десятков детских книг, поделок и статуэток из очень давних путешествий выделяется довольно безвкусная фигурка морячка, выполненная то ли из дешевого искусственного камня, то ли вовсе из пластика. «Ну и бяка, думает она. – Дети что ли притащили откуда-то». Тянется к фигурке, чтобы убрать ее подальше, и вдруг замечает добродушную плохо покрашенную улыбку маленького человечка. Кое-где слезла краска, и вроде бы молоденький обладатель улыбки кажется из-за этого сильно старше своего предполагаемого возраста. Безвкусица, но с какой-то своей историей. Морячок застыл в непринужденной позе, подбоченившись и выставив ногу вперед, и лукаво подмигивает своей новой невольной хозяйке. На круглом животике наполовину стерлись полоски, но алая матросская шапочка будто светится ярче всех других цветов наряда. Ну что ж, вполне милый образ. Ладно, живи пока. Вернемся к зеркалу.

– Ну что ты разнюнилась, – добродушно говорит Янина своему отражению. – Наденем-ка полосатый свитер.

С этими словами она лезет в шкаф, до отказа забитый одеждой для всей семьи, в поисках любимой вещицы в широкую черно-белую полоску. Этот свитер всегда выручает. Да где же он, наверняка скрыт под ворохом мятых нарядов, гладить она все же не успевает. Незаметно для себя Янина вываливает все содержимое шкафа на пол и продолжает свой маленький квест. Вот и знакомые полоски, обнаруживаются почти на дне этой кучи. Она натягивает свитер, с удовольствием ощущая телом его приятную мягкость. Вслед за верхом подтягивается и низ: темно-синие домашние брюки. И очки, еще очки! В неведомом ранее каком-то подростковом задоре она бежит к рабочему столу и снимает с полки чехол. Вжик молнией, и вот у нее в руках драгоценная ярко-красная оправа с простыми круглыми стеклами, это ее очки-настроение с незапамятных времен.

Теперь отражение в зеркале озорно подмигивает женщине и радостно потирает ручки: тааак, что бы еще полезного сделать? В считанные минуты куча одежды с пола превращается в ряд аккуратно развешанных на плечики нарядов. Несколько выцветших маек отправляются в мусорку. Так, теперь цвет, больше цвета! Не помня себя, Янина бежит в кладовку, тащит оттуда огромный ящик с красками, приготовленных еще осенью для росписи горшков во двореке. Действительно, почему бы не сейчас, покрашу, а пока буду

ходить за сыром, краска уже высохнет.

Прошло всего минут десять, а работа уже в самом разгаре: старые покрытые трещинками горшки перемещаются в импровизированную мастерскую, организованную прямо посреди коридора, и наполняются разноцветной жизнью: вот оттенок яичного желтка, который так любит выковыривать из готовой яичницы Томас; вот конечно же лазурный, обожаемый всеми местными оттенок, куда без него; вот нежный мятный – цвет ее свадебного платья, кстати, куда оно подевалось, можно перешить и носить... и завершает композицию цвет молодой травы, он мгновенно наполнит ощущением свежести их давно пустующий без растений дворик... А когда пойду обратно, заскочу к Анне и выпрошу у нее маргариток с клумбы, у нее их в избытке.

Незаметно для себя она начинает напевать. Мелодия простенькая, но вполне бодрая: какой-то легкий мотив из ее воспоминаний о себе. Тем временем дело сделано: радужные пятна развешаны по стенам во дворе по бокам от бирюзовой входной двери, украшенной тяжелой металлической ручкой в виде скрученной змеи, поедающей саму себя. Янине всегда нравился этот образ, символизирует связь всего со всем и бесконечность этого Мира. Однако она уже мчится на Торговую улицу, помня о своем важном деле.

Я открыл глаза, услышав тихий стук в дверь хижины. Опять поспать не дали, недовольно подумал я и нехотя под-

нялся с кровати, попутно натягивая на нее стеганое цветное покрывало, подаренное мне Камиллой в прошлом году. Кого это там принесло с утра пораньше.

Я распахнул дверь и сощурился от ударившего в глаза солнца. На пороге стоял скромно одетый мужчина, я встречал его раньше на Торговой улице. Заезжий?

– Чем могу помочь? – осведомился я, натягивая дружжелюбную маску на свое слегка помятое от сна лицо.

– Видите ли... – мужчина никак не решался войти. – Мне нужен подарок для жены.

– По случаю или просто так?

– Скорее, есть причина... – Мой гость как-то неловко посмотрел на меня. – У вас же есть такие необычные вещи для того чтобы... ммм... пробудить человека?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.